

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЗИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

УДК 911.3

Р. А. БАБКИН

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МАРГИНАЛИЗАЦИИ: БАРЬЕРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

*РЭУ им. Г. В. Плеханова,
г. Москва, Россия,
babkin_ra@mail.ru*

Комплекс проблем в виде социальных заболеваний, преступной деятельности, экономического и социального неблагополучия приводит к замедлению развития человеческого капитала и служит угрозой устойчивого развития регионов современной России. В настоящей работе автором предложены система индикаторов, позволяющая дать оценку и географическую интерпретацию явлению социальной маргинализации.

В работе предлагается оценивать социальную маргинализацию при помощи восьми основных показателей, характеризующих распространение социальных заболеваний, девиантного поведения, неестественную смертность и общую социально-экономическую ситуацию: поражённость населения ВИЧ-инфекцией, распространение туберкулеза, преступность среди несовершеннолетних, число убийств, алкогольных отравлений со смертельным исходом и самоубийств, смертность в результате ДТП, миграционный отток населения и уровень бедности. Выбор показателей основывался на наличии объективной статистики и соответствии критерию «барьерности» для устойчивого регионального развития.

ВИЧ-инфекция на сегодняшний день одна из сильнейших угроз для более чем половины регионов России. Наиболее пострадавшие от инфекции регионы концентрируются в узлах наркотрафика: Уральском (с центром в Свердловской области), Сибирском (Красноярский край, Новосибирская, Кемеровская и Иркутская области) и Московском [4]. При этом сильно страдают многие транзитные регионы (Оренбургская, Курганская, Самарская области, Алтайский край и т.д.). Стоит отметить и тот факт, что помимо ВИЧ-инфекции в регионах с высокой долей наркомании наблюдается повышенный уровень преступности, которую стимулирует наркоторговля.

Туберкулез – «болезнь бедности», которой, прежде всего, подвержены люди с плохим питанием и проживанием в антисанитарных бытовых условиях. Наблюдается тесная связка смертности от туберкулеза с ВИЧ-инфекцией: регионы с высокой поражённостью ВИЧ, гораздо медленнее сокращают число туберкулезных больных, а смертность в них – больше. Основную тяжесть инфекции принимают на себя регионы азиатской части страны, где это обусловлено повышенной долей лиц, освободившихся из мест заключения и неблагоприятными природно-климатическими условиями.

Вторым, после распространённости социальных заболеваний, аспектом маргинализации служит асоциальное поведение, наиболее ярким проявлением которого служит преступность несовершеннолетних. Географическая картина проявления этого явления чрезвычайно различна: от практически нулевых значений (в национальных республиках Северного Кавказа и федеральных городах), до масштабного бедствия, сравнимого с уровнем неблагополучных стран Латинской Америки (например, в Тыве, Бурятии, Забайкальском крае, Амурской области), где по сей день сохраняются некоторые архаичные формы

подростковой преступности (например, уличные банды). В сибирских регионах преступность несовершеннолетних стимулируется распространением учреждений ФСИН, высоким уровнем безработицы и бедности, недостатком досуговых учреждений для молодежи (спортивных и культурных центров), распространением детской безнадзорности.

Третьим проявлением маргинализации автор выделил неестественную смертность, которую можно разделить на смертность от убийств, ДТП, алкогольных отравлений и самоубийств.

Наиболее значительные показатели убийств наблюдаются в республиках Сибири и Дальнего Востока, а также в некоторых индустриальных регионах. Значительная удаленность от центра страны, суровые климатические условия, бедность населения, нарастающие инфраструктурные проблемы, неразвитая городская среда и распространение алкоголизма ведут к социальному напряжению и депривации широких слоев общества.

Наивысшие значения смертности на дорогах характерны для регионов Сибири и Урала, поскольку здесь хуже качество дорог, устаревший автопарк, высокая коррумпированность работников ГИБДД, распространены неблагоприятные погодно-климатические условия (гололедицы, снегопады и др.).

Алкоголизм, пожалуй, главный фактор маргинализации в России. Он определяет отрицательный демографический отбор в сельской местности Нечерноземья, в депрессивных индустриальных городах и в сибирских республиках. Алкоголизация населения – главная причина невысокой средней продолжительности жизни, существенно меньшей, чем в развитых странах мира [6]. Злоупотребление алкоголем приводит к распространению девиантного поведения и ощутимым экономическим издержкам. Так, по мнению наркологов, 60 % грабежей, разбоев и краж в России происходит в состоянии алкогольного или наркотического опьянения [1].

На показатели смертности от алкоголя и самоубийств сильное влияние оказывает этнокультурный фактор. Например, у мусульманских народов (татары, башкиры, кабардинцы, чеченцы, ингуши и т.д.) самоубийство неприемлемо. Кроме того, в исламе имеются существенные ограничения на употребление алкоголя. Все это способствует низким значениям смертности в мусульманских национальных республиках. Напротив, в 19 регионах России (в основном депрессивные старопромышленные регионы и национальные немусульманские республики) смертность от самоубийств превышает 20 случаев на 100 тыс. чел. в год, что соответствует, установленному ВОЗ «критическому уровню частоты суицидов» [2].

Индикатором социально-экономического благополучия региона можно считать уровень бедности его населения. Статистически уровень бедности представляется через количество фиксированных наборов товаров и услуг, которые может приобрести среднестатистический гражданин. Так, в Калмыкии, Тыве или Карачаево-Черкессии средний уровень доходов населения едва превышает стоимость этого набора. В то же время жители Москвы и нефтегазодобывающих (Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий АО, Сахалинская область) регионов могут позволить себе в среднем 3 – 4 подобных набора. Относительно неплохая ситуация также наблюдается в других крупноагломерированных и экономически развитых регионах (Санкт-Петербург и Ленинградская область, Свердловская и Московская области, Татарстан и др.).

Другой показатель, который комплексно характеризует социальную атмосферу регионов – миграционный приток/отток населения. Миграционный прирост свойственен большинству регионов Юга России (особенно приморским) и некоторым национальным республикам (Татарстан, Адыгея и т.д.). Традиционно привлекают население федеральные города и их области, а также другие регионы с крупными межрегиональными центрами – Свердловская, Ростовская, Новосибирская области, Красноярский край. Однако, крупный город не всегда может выступать значимым магнитом, притягивающим население извне: Волгоградская, Омская, Нижегородская, Челябинская и Самарская области либо теряют население, либо имеют околонулевое значение миграционного прироста. Самая тяжелая ситуация в регионах Дальнего Востока, Европейского Севера, некоторых регионах Урало-Поволжья и Северного Кавказа, в которых отсутствуют крупные конкурентноспособные городские центры. В результате, они быстро лишаются жителей (некоторые – более чем по 1 % в год).

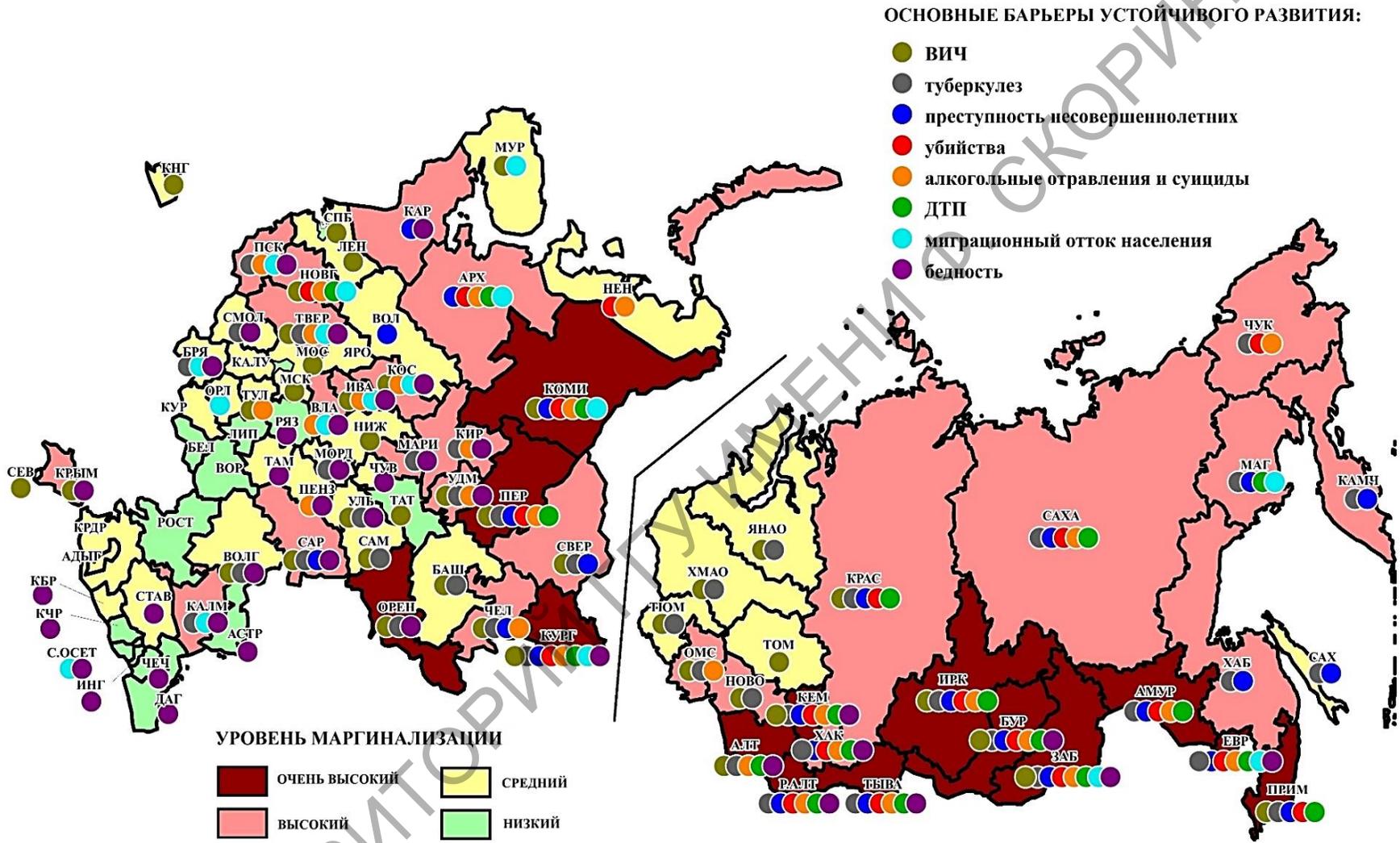

Рисунок 1 – Оценка уровня маргинализации и основных барьеров (проблем) устойчивого развития регионов России

Источник: составлено автором

В целом, география маргинализации имеет характерные особенности, связанные с различными экзо- и эндогенными факторами. Можно выделить несколько типов регионов по глубине и широте имеющихся проблем (рисунок 1). Наиболее ярким географическим фактором маргинализации служит *положение региона в системах «запад – восток» и «север – юг»*. Восточные регионы – более маргинализованные, чем западные, а северные, как правило, более проблемные, нежели южные.

Еще один явный фактор – это *культурно-религиозные отличия*. Мусульманские народы менее маргинализованы ввиду приверженности верующих традиционным ценностям и трезвому образу жизни. Напротив, многие малочисленные народы Севера, серьезно страдают от алкоголизации и связанных с ней проблем.

Общая *социально-экономическая ситуация*, также играет важную роль: регионы с высокими доходами населения, как правило, менее подвержены многим социальным проблемам. Здесь стоит упомянуть еще один географический фактор – *уровень урбанизации*. Город, являясь формой территориальной организации жизнедеятельности людей, обладает проблемами, которые изначально заложены в самой его сущности [3]. Одна из них – благоприятные условия для криминогенности. В связи с этим, недостаточное внимание безопасности городской среды (уличное освещение, камеры наблюдения, развитие различных активностей, повышающих проходимость малолюдных мест и т.д.) многократно повышает риски маргинализации, что прекрасно видно на примере городов социалистического типа в промышленных узлах Сибири или Урала.

Весомым фактором маргинализации является *приграничное или транзитное расположение региона*. Нахождение на пути транзита наркотиков, наличие ценных ресурсов для вывоза (лес, рыба, золото и т.д.), близость к границе (благоприятные условия для контрабанды) способствуют росту преступности и развитию теневого сектора экономики [5;7].

Таким образом, в России наблюдаются значительные региональные различия в уровне социальной маргинализации. Как показано в работе, социальная эксклюзия находится в тесной зависимости от экономической устойчивости, географического положения и культурно-национальных особенностей региона. Отобранные в исследовании показатели позволяют с различных ракурсов оценить имеющиеся в региональных социумах барьеры, препятствующие их устойчивому развитию, а также обозначить основные географические закономерности распространения ключевых общественных угроз.

Список литературы

- 1 Бадов, А.Д. География преступности в России: изменения за постсоветский период / А.Д. Бадов // Вестник Моск. ун-та. – Сер.5. География. – 2009. – № 2. – С. 64–69.
- 2 Киселев, Д.Н. Клинико-социальные характеристики лиц, совершивших попытку самоубийства, и организация скорой суицидологической помощи. – Дисс. ... канд. мед. наук. – М., 2019. – 179 с.
- 3 Лаппо, Г.М. Итоги российской урбанизации к концу XX века // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / под ред. О. Глезер и П. Поляна. М. : ОГИ, 2005. – 816 с.
- 4 Основные маршруты оборота опиатов через Среднюю Азию в Российскую Федерацию [Электронный ресурс] // Доклад ООН. – 2018. – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/publications/Opiate_flow_through_NR_2018_Russian_web.pdf. – Дата доступа: 20.11.2020.
- 5 Сикач, К.Ю. Географические факторы динамики преступности на Украине в 1990–2012 гг. Автореф. дисс. ... канд. географ. наук., М. – 2017. – 20 с.
- 6 Хайруллина, Н.Г. Проблема алкоголизма в среде коренных малочисленных народов севера [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19337>. – Дата доступа: 01.12.2020.
- 7 Seddon T. Drugs, Crime and Social Exclusion: Social Context and Social Theory in British Drugs–Crime Research // The British Journal of Criminology. – 2006. – Vol. 46 (4). – Pp. 680–703.

*GEOGRAPHICAL PROJECTION OF SOCIAL EXCLUSION:
BARRIERS TO SUSTAINABLE REGIONAL DEVELOPMENT IN MODERN RUSSIA*

A complex of problems in the form of social diseases, criminal activity, economic and social problems leads to a slowdown in the development of human capital and serves as a threat to the sustainable development of the regions of modern Russia. In this paper, the author proposes a system of indicators that allows us to assess and geographically interpret the phenomenon of social marginalization.

УДК 913+314.18+332.1

И. В. БЕССМЕРТНЫЙ

**ВОЗМОЖНОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ ОЦЕНКИ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ
ЕГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ**

*ФГОУ ВО «Южный федеральный университет»,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
bessmertny74@gmail.com*

Все больше исследователей и специалистов практиков в своей работе оперируют понятием демографический потенциал территории, однако в научном сообществе все еще нет единого мнения о том, что понимать под этим термином. Тем более нет единой методики оценки демографического потенциала. В данной статье автор дает историческую справку о развитии понятия демографического потенциала и дополняет вопрос о подборе базовых показателей для числовой оценки демографического потенциала пространственного развития.

В последние годы термин демографический потенциал все чаще используется как теоретиками, так и специалистами практиками в области общественной географии, экономики, социологии и статистики. Однако, несмотря на возрастающую частоту его использования, в профессиональной среде все еще нет единого мнения ни относительно самой дефиниции рассматриваемого термина, ни относительно методологии определения демографического потенциала.

Демографический потенциал (далее – ДП) как концепт не может существовать «в вакууме», в отрыве от географического пространства, в котором ведет свое существование человеческое общество, в связи с чем можно принять за аксиому тот факт, что ДП скорее является понятием вспомогательным, служащим целям прогнозирования и управления пространственными социально-экономическими системами.

Первая попытка определения демографического потенциала была предпринята основоположником современной демографической науки Т. Мальтусом в 1798 году, хотя стоит заметить, что само понятие ДП он не использовал. Мальтус в своем труде «Опыт закона о народонаселении...» дает следующую оценку потенциала роста населения «...население имеет тенденцию расти в геометрической прогрессии, а средства существования могут увеличиваться лишь в арифметической».

В исторической ретроспективе демографический потенциал не рассматривался как комплексное понятие. Исследования в этой области проводились по каждому компоненту движения населения отдельно.